

Близняков Роман Александрович, Малышев Дмитрий Аркадьевич

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО - ФЕНОМЕН ИСТОРИИ И КОНСТАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В статье исследуется важнейшая категория теории исторической науки - "историческое пространство". Раскрываются подходы к ее изучению, сложившиеся в XIX-XXI веках. Рассматривается философская база исторических исследований. Определяются современные проблемы научных изысканий в области исторической географии. Статья рассчитана на специалистов в области истории и географии, которым не безразличны исследования пограничной научной тематики.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/9/8.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 9(83) С. 35-43. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/9/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(930.1:913.1/913.8):910.1

Исторические науки и археология

В статье исследуется важнейшая категория теории исторической науки – «историческое пространство». Раскрываются подходы к ее изучению, сложившиеся в XIX–XXI веках. Рассматривается философская база исторических исследований. Определяются современные проблемы научных изысканий в области исторической географии. Статья рассчитана на специалистов в области истории и географии, которым не безразличны исследования пограничной научной тематики.

Ключевые слова и фразы: историческое пространство; историческая география; теория исторической науки; географическое пространство; историческое время; картография; Палестина как историко-политический район.

Близняков Роман Александрович, к.и.н.

Малышев Дмитрий Аркадьевич, к.и.н., доцент

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского, г. Симферополь
Bliznyakov80@mail.ru; darkmalyshev@mail.ru*

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО – ФЕНОМЕН ИСТОРИИ И КОНСТАНТА ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Существует большое количество дефиниций исторической науки, многие из них носят характер стандартных клише, другие, наоборот, характеризуются креативностью и нестандартностью определения. Наиболее простым и емким является гениальное, на наш взгляд, определение, сформулированное представителем школы «Анналов» Марком Блоком: «История – это наука о людях во времени» [5, с. 18].

Антропологически ориентированная история скрупулезно изучала вопрос исторического времени (например, Ф. Бродель – теория разных скоростей времени) – важной константы, которая задает параметры развития человечества. Однако человек и общество развиваются не только во времени. Любые события имеют конкретную локализацию, поэтому пространство – еще одна характеристика развития феномена человеческой истории, наряду со временем, и, к сожалению, недостаточно осмысленная и представленная в отечественной исторической науке при смысловой реконструкции модели всемирно-исторического процесса.

Пространство так и не стало объектом пристального изучения советских историков. В. А. Муравьева констатирует: «Пространство страны в XX веке... всецело принадлежало предмету науки географии как таковой, в особенности географии экономической...» [Цит. по: 14, с. 44]. Коллектив исследователей (Р. Б. Казаков, С. И. Маловичко, М. Ф. Румянцева) справедливо замечает, что «пространство перестает быть простым “фоном”, на котором разворачиваются исторические “события и деяния”, оно органически включается в картину мира, задавая существенные параметры мироосмысления», новая локальная история «позволяет находить мультисоциальные и мультикультурные объекты исследования, использовать пространственно-временные модели, не отменяющие линейную хронологию, но выявляющие ее ограниченность» [Там же].

Сотрудник Алтайского государственного университета Ольга Владимировна Боровкова развивает тему исторического пространства и приходит к умозаключению: «Прежде чем говорить о пространстве, необходимо зафиксировать тот достаточно известный факт, что пространство не мыслится без представления о связи со временем, хотя эта связь достаточно противоречива» [6, с. 79].

По мнению авторов статьи, напротив, связь пространства со временем, как географического, так и исторического, вполне объяснима, тем более пространство, оговоримся – географическое пространство, само подвержено времени. Однако, думается, что изучение влияния времени на географическое пространство – удел ученых географов, которым, безусловно, необходимо реконструировать этот процесс [32]. Ученого-историка больше интересует влияние времени и географического пространства на человека на определенном этапе, без учета влияния времени на последнее, тем более что это влияние ничтожно в период существования политической истории человечества и может стать научным шумом при изучении аспекта. В этой связи авторы статьи сосредоточатся на изучении влияния исторического пространства (каковым становится пространство географическое под влиянием социокультурной деятельности человека) и времени на историю человечества.

Историческое пространство продуцируется человеком на базе географического пространства и само отчасти является производным от времени. Оно, в отличие от географического, – продукт времени и человека во времени, и в то же время вместе со временем является параметром дальнейшего исторического развития человечества. Умышленно попытаемся рассмотреть теперь уже и историческое пространство изолированно от влияния на него времени, как бы придавая ему черты условной константы, дабы не усложнять модель восприятия исторического пространства, которое как феномен и так отличается ярко выраженной модальностью. Само же историческое пространство рассмотрим в парадигме линейной истории, используя периодизацию, принятую в исторической науке.

Историческая наука на рубеже тысячелетий переживает глубокий методологический кризис. Старый добрый нарратив и повествование вряд ли отвечают современным реалиям гуманитарной сферы. Будущее науки – погранично-стыковые направления: с одной стороны, мы говорим о гуманитаризации естественно-научного знания, с другой – о наполнении новыми смыслами гуманитарных дисциплин: отходе от классической идеографии. В чисто идеографической парадигме, на наш взгляд, на сегодняшний день история

как наука себя отчасти исчерпала. Выход из методологического кризиса видится в том числе в обращении к естественно-научному знанию, идеалом которого служат номотетические науки. В этой связи обратимся к становлению методологии истории и к багажу специальных исторических дисциплин, которые обслуживают историческую науку, в том числе и к исторической географии.

В настоящее время эту комплексную дисциплину оценивают в интервале от вспомогательной исторической дисциплины до метода исторического познания: «... в 1997 г. В. А. Муравьев постулировал основы исторической географии как метода гуманитарного познания: “Бесконечное разнообразие мер в историческом познании, возможность сосуществования и конкуренции их определенного множества, споры о мерах даже в рамках одной и той же методологии восходят к трем главным феноменам истории человека, проявляющим себя и в историческом процессе, и в его познании. Это – Время, Пространство, Событие”» [12, с. 18]. С подходом к исторической географии как методу гуманитарного познания можно согласиться, а вот с позиционированием «События» как феномена истории – вряд ли. Событие – это лишь производное деятельности человека, а к феноменам истории следует отнести лишь время и пространство, в пределах которых человек творит свою историю.

Признавая факт возможности сведения исторической географии к методу исторического познания, обратимся к методологии истории. Методология исторической науки – область рационально-рефлексивного знания, направленная на изучение методов, путей и механизмов формирования и функционирования исторического знания, его философских оснований, регулятивных принципов, природы, структуры, коммуникативных и междисциплинарных связей с другими науками и феноменами культуры.

Предтечей методологии истории стал специальный курс «Энциклопедия и методология истории» Иоганна Густава Дройзена, прошедший апробацию в Берлинском университете в 1857 г. Детальная разработка методологических вопросов истории началась позже – в 80-е – 90-е гг. XIX века – и следовала в русле таких философско-методологических направлений, как позитивизм, «философия жизни» и неокантианство. И. Г. Дройзен рассматривал параметры исторического пространства Балкан в период Древнего мира, затрагивал вопрос влияния пространства на ход человеческой истории, констатируя его ограничительный характер: «Всюду оказывается, что для широкой и беспокойной природы греков родной край стал тесен» [11, с. 22].

Изучение трудов отечественной и зарубежной историографии XIX века позволяет согласиться с выводом, обозначенным авторским коллективом во главе с А. Н. Филюшкиным: «В исторической науке довольно рано возник географический детерминизм – история народа и страны должна начинаться с описания ее географического положения, и ее характер обусловлен этим положением» [29, с. 71]. Особенно в трудах по истории Древнего мира без географического описания невозможно перейти к процессу политогенеза и классогенеза. Вот как эту необходимость излагает Роберт Юрьевич Виппер: «Когда мы обращаемся к географическому описанию исторически важной страны, нам интересно не только иметь определение поля действия данного общества, – мы ищем также тех первоначальных, независящих от него самого условий, в которых оно должно было действовать. Поэтому перед нами возникает одновременно и общий вопрос о том, насколько принудительно влияют на человеческое общество физические условия и затем – как далеко, на какие стороны быта распространяется их сила» [8, с. 17].

Учебное издание под редакцией А. Н. Филюшкина гласит: «Одним из основоположников географического детерминизма считался Гердер, писавший о связи “духа народа” со средой его обитания. Изучение природно-географического фактора широко представлено в работах историков-позитивистов, которые видели в нем возможность сближения истории с естественными науками, получение научно-достоверных знаний. Например, английский историк Генри Бокль утверждал, что “история народов зависит, прежде всего, от климата, почвы, пищи, ландшафта”» [Цит. по: 29, с. 71]. И действительно, как не фактором природной среды, географического пространства объяснить то, что зона долины и дельты Нила, Двуречья стала историческим пространством Древнего мира ранее, нежели чем Балканская Греция или Рим на Апеннингах. Речные долины Древнего Востока позволили на тысячелетия ранее создать государство благодаря своим аллювиальным почвам, податливым примитивным сельскохозяйственным орудиям труда, обрабатываемым коллективно. И вот географическое пространство Востока рождает историческое пространство с его феноменом восточной деспотии и власти-собственности. А Греция и Рим с их тяжелыми почвами ждали железа, которое позволило обработать земельные участки силами патриархальных семей в плювиальной зоне. Так географическое пространство южной полуостровной Европы рождает историческое пространство полиса (цивитас) с его демократией и частной собственностью.

Позитивистскому естественно-научному идеалу в последней четверти XIX века окончательно противопоставили рафинированное гуманитарное знание, которое определило тренд развития на долгое время. В рамках неокантианской философии истории (В. Виндельбандт, Г. Риккерт, М. Вебер) и «философии жизни» (В. Дильтей) было обосновано положение о своеобразии истории как специфической формы научного знания, не сводимого к естественно-научному познанию, и поставлена проблема взаимоотношения между познающим субъектом (историк) и познаваемым объектом (историческая действительность) как центральная методологическая проблема исторической науки. Однако преобладающие идеографические тенденции не смогли вытеснить элементы номотетического построения, уходящего корнями в XVIII век на всем протяжении существования исторической науки.

В XVIII веке разрабатывались вопросы техники исторического исследования, критики источников, специальные исторические дисциплины. Наибольшую известность в этом отношении имеет Геттингенская историческая школа, основанная Августом Людвигом Шлецером (1735-1809), который в молодости работал в России, в Петербурге.

Профессор Сергей Михайлович Середонин дал положительную оценку деятельности Августа Людвиг Шлецера, известного советским историкам как апологета норманнской теории и не особо почитаемого по этой же причине, который в своем «Несторе» (особенно в главе VII «Народы, населявшие Россию») «заставил отказаться от решения вопросов, характеризующих младенчество науки, смело выбросил из Русской истории “этимологические игрушки” и почти верно распределил народности IX века между славянским, германским, литовским, финским и тюркским племенами... устранил из русской исторической науки много неверных положений, ложных приемов... выводами Шлецера широко воспользовался в своей “Истории государства Российского” Н. М. Карамзин» [27, с. 9].

Геттингенская историческая школа ввела в обиход историка такие термины, как «всеобщая история», «вспомогательные (специальные) исторические дисциплины». Одной из таких дисциплин является историческая география, которая сложилась в отдельную отрасль исторической науки в отличие от антропогеографии немецкого географа Фридриха Ратцеля, геоистории французского ученого Поля Видаля де ла Блаша, теории «фронттира» американского историка Фредерика Тернера, не говоря уже о противоречивой и полунаучной, на наш взгляд, пассионарной теории этногенеза российского историка Л. Н. Гумилева.

Известный историк, источниковед, теоретик науки Ольга Михайловна Медушевская отмечала, что историческая география складывалась в связи и под влиянием развития исторической науки, как вспомогательная историческая дисциплина, и ее задачи формулировались по-разному, в зависимости от понимания в данный период исторического процесса, то есть от задач исторической науки: «Историческая география сложилась в определенную систему знаний в XV-XVIII веках (под непосредственным влиянием развития исторической науки, а также историографии и географии). Основателем исторической географии был выдающийся фламандский географ и картограф XVI века Абрахам Ортелиус. Называя географию “глазами истории”, Ортелиус рассматривал историческую географию как важную вспомогательную историческую дисциплину» [22, с. 8].

Вопрос исторического пространства поднимали и российские исследователи XVIII века. Василий Никитич Татищев в первой книге «Истории Российской» помещает обширное историко-географическое введение, занимающее почти всю книгу, говоря о том, что историческая география «показует положение мест, где что прежде бывало и ныне есть» [Цит. по: Там же]. Представитель дворянской науки XVIII века Иван Никитич Болтин утверждал, что «история с географией так тесно связаны, что, не зная одной, писать о другой никак не можно... при всяком, так сказать, шаге историка, не имеющего в руках географии, встречается преткание» [Цит. по: Там же]. И. Н. Болтин в «Критических примечаниях генерал-майора Болтина на первый [второй] том истории князя Щербатова» упрекал последнего в незнании исторической географии, замечая, что Михаил Михайлович Щербатов ошибочно считал, что вятичи жили на р. Вятке, путал Владимир-Волынский с Владимиром-на-Клязьме. Как видим, незнание пространственной локализации исторического события приводит к весьма казусным последствиям.

Историческое пространство изобилует идеологемами, эксплуатация которых необходима в периоды национального подъема. Присоединение Крыма к России в 1783 г., как и воссоединение 2014 г., требует доказательства постулата «Крым – наш». Алексеем Ивановичем Мусиным-Пушкиным в работе «Историческое исследование о местоположении Российского Тмутараканского княжения» было установлено местоположение Тьмутараканского княжества, о существовании которого было известно из летописи, но местоположение которого не локализовывалось [Там же].

Авторы хотели бы разграничить понятия *вспомогательные и специальные научные дисциплины*, отводя вторым более существенную роль. И действительно, без специальной исторической дисциплины – источниковедения – невозможно существование исторической науки, тогда как незнание элементов, например, униформологии не нанесет существенного урона представлению специалиста-историка о всемирно-историческом процессе. С этой точки зрения причислим историческую географию к специальным историческим дисциплинам. Вспомогательность же дисциплины связана исключительно с ее местом «в настоящее время как в академической науке, так и в преподавании» [16, с. 22]. Этот негативный тренд не может не сказаться на качестве подготовки выпускника-историка. Ведь современные реалии требуют многогранной и практически ориентированной подготовки, в этой связи интересно совсем иное определение понятия истории, которое предлагает в своем авторском видеокурсе лекций «Социальная философия» для студентов-историков профессор СПбГУ Михаил Васильевич Попов: «История – это наука о настоящем, исследующая практический опыт человека» [25]. Хотя для авторов статьи история (традиционно) – это социально-гуманитарная наука о прошлом, и всякий, обработавший определенное количество исторических источников и поднявшийся над всемирно-историческим процессом, осознает это. Осмысление открывает перед историком новые горизонты запредельного, в котором сухие качественные и количественные показатели уступают место более глубоким историософским категориям, относящимся уже к социальной антропологии или к трансцендентным вопросам истории происхождения жизни на Земле в теургическом поиске тайны истории, возможно, иррациональном и алогичном.

При всех перипетиях современного образовательного процесса «сегодня необходимый элемент любого исторического исследования – историческая география», изучение истории ландшафтов, палеогеография, а при нарративе «исторического пространства в своем исследовании историку, прежде всего, очень важно определить и четко сформулировать его масштаб» [29, с. 72]. Существует понятие всемирной истории как глобальной истории, истории человечества. На практике такие исторические исследования проводятся в рамках цивилизационного подхода.

Предметом исторической географии выступает процесс складывания государственной территории, изменения этнических и государственных границ. В этом контексте рассматривались вопросы переселения народов, колонизации, возникновения городов и т.д. (Е. А. Freeman, М. К. Любавский, С. М. Середонин, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, В. А. Кучкин) [30, с. 71-72].

Э. Фриман, рассуждая о пространстве, по сути, затрагивал понятия исторического и географического пространства: «Некоторые имена стран строго географические; они действительно означают известную часть земной поверхности, определенную такими границами, которые не могут быть изменены. Другие означают только пространство территории, которая в данное время занята известной нацией и границы которой могут легко подвергнуться изменениям» [31, с. 1].

Актуальность любых исследований по теоретическим аспектам исторической географии обозначим словами ученика известного В. П. Максаковского – В. Г. Шведова: «Находясь в числе старейших областей научного познания, историческая география все еще страдает от неполноты развития своей теории... Одним из возможных вариантов ее разрешения может стать разработка историко-географической тематики по отдельным направлениям (при этом имеется в виду их последующая интеграция в едином русле)» [33, с. 5-6].

Вопрос об историческом пространстве – один из таких теоретических аспектов. Подлинность исторического события в смысловой реконструкции историка может достигаться лишь путем рассмотрения события не только во времени, но и в пространстве. И действительно, любое историческое событие происходило на конкретной территории, в определенных климатических условиях, в естественной среде в рамках исторического ландшафта.

Вопрос влияния внесоциальной среды на динамику исторического процесса – одна из методологических проблем, затронутая А. С. Лаппо-Данилевским: «Понятие о естественной среде... давно уже обратило на себя внимание мыслителей и ученых: география, многим обязанным уже древнегреческим писателям, стала описывать природные условия человеческой жизнедеятельности... Такое “антропогеографическое” изучение... вскрывало, конечно, некоторую законосообразность исторического развития и обнаруживало известную зависимость от географических условий даже изменчивых форм государственного устройства» [17, с. 42].

Все события в истории происходили где-то, они имеют место действия. Изучение исторических процессов также всегда связано с описанием задействованной ими территории. Абсолютно несомненна первичность географического фактора. Образно говоря, без описания сцены стоит ли начинать перечислять актёров? Пустая сцена – первое, что должен видеть зритель в театре. Географическое пространство и его описание, на наш взгляд, – первое, что должен увидеть читатель в научной работе историка, хотя бы в виде обзорной характеристики. Итак, понятие «пространство» – одно из ключевых в исторической науке. Однако историческое и географическое пространства имеют определенные отличия. Рассмотрим их.

Географическое пространство характеризуется замкнутостью, положительной кривизной (выпуклостью), квазифрактальностью, анизотропностью в гравитационном поле Земли. Местоположение в геопространстве определяется сферическими (широта и долгота), радиальными (высота) или прямоугольными координатами (см. географические координаты), а также относительно иных объектов в геопространстве. Мерами расстояния в географическом пространстве могут быть не только декартово расстояние, но и время, энергия или средства на преодоление расстояния. Геопространство (географическое пространство) – «форма существования географических объектов и явлений в пределах географической оболочки; совокупность отношений между географическими объектами, расположенными на конкретной территории и развивающимися во времени» [10, с. 56].

Под историческим пространством (в издании под редакцией А. Н. Филюшкина) «понимается совокупность экономических, природно-географических, общественно-культурных и политических процессов, которые протекают на определенной территории. Тем самым географическое пространство превращается в историческое, очерчивание территориальных рамок приобретает смысл и историческое содержание» [29, с. 70-71].

В толковом словаре обществоведческих терминов Н. Е. Яценко читаем: историческое пространство – «сложная динамичная совокупность географических, экологических, этнических, социальных факторов развития человека и общества в различные исторические эпохи» [35].

География оказывает огромное воздействие на историю народов. Море, пустыня, степь, лес, горы – природно-географические факторы, определяющие характер пути народов. Несмотря на притягательность суверенитета в XX веке, некоторым государствам так и суждено будет остаться квазигосударствами. Например, Абхазия имеет все шансы на становление как независимое государство (наличие 220-километровой береговой линии и прочее), тогда как судьба Южной Осетии вне пределов Грузии – только в составе РФ.

Историческое пространство Палестинской проблемы (территория, закрепленная резолюцией ООН 181/II арабскому и еврейскому народам) заведомо становилось пространством конфликта. Предполагаемому еврейскому государству резолюция отводила лучшие части страны, поэтому изначально закладывалась неравномерность развития государств, одно из которых было обречено постоянно испытывать недостаток в ресурсах. Основная отрасль экономики Палестины (цитрусовые), в значительной степени дающая средства для оплаты импорта продовольственных товаров, в частности зерна, мяса, фуража, и примерно на 50% принадлежащая арабам, почти целиком отходила к предполагаемому еврейскому государству. Кроме цитрусовых плантаций план раздела передавал предусматриваемому еврейскому государству лучшие пригодные для возделывания земли Палестины, оставляя арабскому государству гористые местности, большей частью непригодные для обработки. Таким образом, резолюция передавала еврейскому государству наиболее важные сельскохозяйственные ресурсы страны. По плану раздела два порта Палестины – Хайфа и Яффа,

где преобладало арабское население, – были включены в еврейское государство. Таким образом, главный узел внешнеторговых связей Палестины, Трансиордании и арабских стран оказался вне пределов арабского государства... Была нарушена главная предпосылка плана раздела – жизнеспособность созданных государств. Арабской Палестине в этом отказали [3, с. 17].

Как видим, историческое пространство тесно связано с таким феноменом, как политическая карта мира. По В. Г. Шведову, «политическая карта мира – уникальное территориальное образование, возраст которого насчитывает около пяти тысяч лет» [33, с. 61]. Оговоримся, что эта тенденция к расширению политической карты, имеющая место на протяжении всей истории человечества, имеет естественные ограничения и в наше время, на что указывал еще Фридрих Ратцель [15, с. 59]. Исторические карты – необходимый материал для иллюстрации исторических событий. «Использование картографического метода исследования для целей исторической науки привело к широкому применению исторических карт в истории и историко-географических монографиях, статьях, учебниках, публикациях» [13]. Исторические карты представляют, прежде всего, историко-географический интерес, т.к. они отражают определенную интерпретацию и критическое осмысление исторических событий и процессов. Очень хорошо эта тенденция иллюстрируется новостными вкраплениями в медийном пространстве, которые появляются с определенной периодичностью и отражают дихотомию западных стран к категории исторического пространства «Крым – наш». С определенной периодичностью те или иные западные медийные источники «определяют» статус Крыма как российского региона, что идет вразрез с официальной позицией, занятой этими государствами с 2014 г. Вот и недавно (в июне 2017 г.) британская *Daily Mail* признала Крым российским регионом, повествуя о событиях на полуострове [7].

Историческое пространство тесным образом связано с идеологией государства. Можно согласиться с мыслью израильского ученого А. Эпштейна, что «идеологии не в состоянии никого накормить, но они дают миллиардам людей смысл и оправдание своего коллективного существования» [34, с. 4]. Декомпозицию Украины, сецессию Крыма (думается, именно такой термин можно и нужно использовать для характеристики «Крымской весны») необходимо рассматривать именно в ключе влияния идеологии на историческое пространство. Идеология является скрепом исторического пространства государства. Сегодня можно с уверенностью сказать, что к началу марта 2014 г. смысла коллективного существования у жителя Львова и Симферополя, Тернополя и Донецка не было. Как следствие – невозврат Украины к границам (оговоримся, искусственным границам, являющимся наследием советского общества) 2014 г. Историческое пространство государства должно выплавиться в тысячелетнем горниле истории, родиться естественным путем, как Французское королевство, например, из германского, франкского и галло-римского исторических пространств. В некоторых случаях (классический пример – Древняя Русь) историческое пространство и его политическое ядро может переместиться и занять совсем другую географическую локализацию, без дискреции истории государства, которая никогда не прерывалась, невзирая на перемещение исторического пространства по земной поверхности. В этом случае мы можем уверенно говорить о более чем тысячелетней истории Российского государства от Рюрика до Президента Путина, не подменяя ясное понятие «история государства» сомнительным термином, эксплуатируемым сегодня на Украине, – «история государственности». Только лишь фактор территориальности не делает современную Украину бесспорной и единственной наследницей Древней Руси, так же как ряд современных государств мира, возникших на одном и том же географическом пространстве, в разное историческое время не является продолжателем исторических традиций, исчезнувших исторических пространств политических образований прошлого.

Возвращаясь к примеру Украины, можно предположить, что эксплуатация официальным Киевом узкопартикулярной галицийской идеологии будет приводить к тому, что историческое пространство Украины будет сжигаться и далее, как шагреновая кожа, при неблагоприятном стечении обстоятельств. А вот историческое пространство «Русского мира», к которому принадлежал Крым до весны 2014 г., может трансформироваться в территорию Российской Федерации, при недальновидной политике элит постсоветского пространства: так русский народ и русскоязычное население будут преодолевать искусственные границы чуждого ему исторического пространства постялтинского мира, избавляясь от статуса разделенного этноса.

Уже историки XIX века понимали значение исторических карт. Они являются своеобразной лакмусовой бумажкой, отделяющей историческую географию от истории географии. Священник Д. Лебединский в своей «Священной Библейско-исторической географии» 1883 г., ссылаясь на известных ему иностранных авторитетов, приводит следующие высказывания: история «без указания места событий висит на воздухе, – это картина, состоящая из видов без ландшафта» [18, с. 4], «для постепенного раскрытия и пополнения знаний изучаемого всего лучше иметь перед глазами особые карты для каждого периода истории и не вносить в них ничего другого, кроме того, что рассказывается в известном периоде» [Там же, с. 5]. В подтверждение своих мыслей священнослужитель апеллирует к авторитету известного ученого Александра фон Гумбольдта, принимая во внимание его постулат, что «только немые карты напечатлеваются в памяти», автор работы заключает: «...при многих картах достигается и эта цель; именно: что было характерно на карте предыдущего периода, того нет нужды повторять на следующей; чтобы и карты не приняли характера учебника, наводящего скуку» [Там же, с. 7].

Историческая картография сегодня – вспомогательная историческая дисциплина, занимающаяся составлением исторических карт и атласов и разрабатывающая методику их создания, – находится в тесной связи со специальной исторической дисциплиной – исторической географией. К сожалению, в конце XX века это направление исторической науки находится в нашей стране в безрадужном положении. И лишь исторический атлас по истории Смутного времени К. А. Аверьянова и С. А. Ромашова стал прорывом в данном направлении [1, с. 5].

Любая историческая карта будет моделировать сознание изучающего историю. И задача преподавателя истории – моделировать его усиленно. В этом ключе авторы – за историка-идеолога, за специалиста в области исторической географии, формирующего грамотное и полезное для общества восприятие исторического пространства как своего Отечества, так и зарубежных стран. Пристальное внимание общественного мнения к вопросу исторического пространства можно наблюдать сегодня не только в центре России, но и на ее периферии, на что большое влияние оказало именно изменение политических границ страны, включение в государственное пространство Крымского полуострова в марте 2014 г., что привело к перевороту восприятия политического пространства как внутри Российской Федерации, так и внутри самого полуострова (культурно и этнически крымчане всегда воспринимали себя как часть «Русского мира»). Подобные трансформации оказали огромное влияние на все сферы общественной жизни, в том числе и на процесс обучения студентов в новообразованном Крымском федеральном университете им. В. И. Вернадского. Стало меняться само пространство познания. Например, если в период до 2014 г. студенты исторического факультета изучали предмет, называвшийся в учебном плане «Историческая география мира», то после 2014 г. в рамках дисциплины «Историческая география» появилось два модуля – «Историческая география мира» и «Историческая география России». При изучении исторической географии привлекаются современные междисциплинарные подходы, используются данные международных отношений, исторической науки, регионоведения, политологии, востоковедения, правоведения, истории мировых цивилизаций, культурологии. По содержанию курс тесно взаимосвязан с базовыми дисциплинами учебного плана специальности: история международных отношений, история России, история стран Европы и Америки, история стран Азии и Африки, политология, мировая экономика, культурология.

Содержание дисциплины видоизменилось, стало достаточно многовекторным и включило в себя следующие разделы: теоретические основы исторической географии, историческая картография и картографическое источниковедение, историческая физическая география, историческая политическая география, историческая география населения, экономическая историческая география, социокультурная историческая география.

Тематика лекционного курса и семинарских занятий также достаточно обширна: картография эпохи географических открытий; история климата; взаимодействие природы и общества; стихийные бедствия и экологические катастрофы и их воздействие на исторический процесс; изменения флоры и фауны мира; состав и структура населения Евразии; историческая география расселения и миграций. Большим интересом пользуются неординарные темы курса, как-то: география частного жилищного пространства в Европе и география религий мира в Средние века и Новое время, вызывающие у аудитории живой отклик, интерес и обсуждение.

Вопросы, выносимые на промежуточную аттестацию, позволяют определить широкий диапазон различных сфер специфической дисциплины, перечислим только некоторые из них: развитие исторической географии в России, изучение проблем исторической географии в трудах российских ученых XVIII-XIX веков; новейшие подходы в понимании и изучении исторической географии и картографии; древнейшие географические карты; географические карты Месопотамии и Древнего Египта; арабская средневековая картография и ее особенности; портоланы XIII-XVI веков; русская картография XVIII века; складывание территории Древнерусского государства; территория Европы в период феодальной раздробленности; этническая структура Российской империи и ее динамика и многое другое.

Дисциплина «Историческая география» изучается на I-II курсах и является органическим дополнением и продолжением базовых курсов, которые читались студентам ранее или одновременно – «История Древнего мира», «История Средних веков». Лекционный и семинарский материал курса опирается на базовые знания студентов, полученные при изучении вышеуказанных дисциплин.

Таким образом, пространственное мышление и представление студентов главного вуза Крыма после воссоединения Крыма с Россией в 2014 г. стали гораздо шире и многограннее, что является не только положительным моментом, но и представляется необходимым при подготовке специалистов в области исторических наук.

Историческое пространство предстает перед нами как база типологии исторической науки, за основу которой берутся два фактора – фактор времени (периодизация) и пространства [29, с. 73].

Реконструировать параметры исторического пространства по временным интервалам – задача отдельных исследований. Однако кратко опишем основные отличия его в каждом из промежутков. Реконструировать географический фон и историческое пространство в древности удастся зачастую лишь в самых общих чертах. Пол Лоуренс в своем «Атласе Библейской истории» справедливо замечает: «Локализация библейских топонимов остается во многих случаях спорной и гадательной» [19, с. 12]. Тем не менее это направление деятельности очень важно и необходимо для пространственного восприятия истории древности. Именно изучение исторического пространства этого периода позволяет не только создать парадигму исторического пространства в концепции истории Древнего мира, но и показать ту грань, когда на основе географического пространства появляется историческое.

Мир Средневековья (в его пространственном отношении), особенно раннего, был для человека любого региона планеты весьма ограниченным. Зачастую обыватель мог прожить свою жизнь, не покидая пределов деревни, города, в крайнем случае, провинции. Скупые источники позволяют нам частично реконструировать условия этого мира, замкнутого в естественные границы, которыми выступали, как правило, леса или реки. Изучение температурных данных позволяет нам коррелировать распространение видов различных деревьев и, соответственно, демографические данные, в частности, ареал расселения людей той эпохи. Пространство же для человека «темных веков» – это сложное многокомпонентное и далеко не всегда явное

представление, базирующееся, прежде всего, на христианском вероучении, пронизывающем всю его жизнь от рождения до смерти, в его тесной взаимосвязи с более ранними, языческими верованиями, которые еще не ушли в прошлое до конца и формировали своеобразный симбиоз в сознании. В мышлении человека соседствовали солярные принципы (деление мира по сторонам света – север и юг, восток и запад) с временными представлениями (ср. лат. *meridies* – «полдень» и «юг», др.-рус. *полуноцьє* – «полночь» и «север»). Безусловно, для жителя христианского мира, которым являлась средневековая Европа, наибольшим значением обладал восток как сторона света, ибо это было место, где пришел на Землю Спаситель и где изначально находился Рай. Да и сам центр Земли – Иерусалим – располагался именно там. Оттуда, с востока, распятый Христос взирал на чад запада, а руки его были простерты к другим частям света, югу и северу, где жили народы, по мнению многих, слабо развитые, дикие и требующие христианского просветления.

«Одним из важнейших средств организации пространства были пути – водные (по рекам в Древней Руси), сухопутные (в континентальной Европе), морские (в Скандинавии и странах Средиземноморья)» [23, с. 70-71].

В то же время существовала и более узкая организация пространства, например по языковому принципу. Безусловно, в период господства диалектов и отсутствия сложившихся сформированных языков сложно обобщить в большие регионы пространство, например, европейского раннего Средневековья, но можно внутри него вычленил пространство, объединявшее достаточно большую часть Европы – латинский мир. Там, где располагалась Восточно-римская империя, находился другой мир – греческий.

Новое и новейшее время задает историческому пространству совершенно иные параметры. Историческое пространство в парадигме истории нового времени характеризуется ВГО, колониализмом и глобализацией, которая не всегда положительно встречается за рамками европейской универсалистской парадигмы (картины мира). В исследовании Эдварда Вади Саида «Ориентализм. Западные концепции Востока» отчетливо отражается неевропейская антиколониальная позиция, критикующая западные воззрения: «“Очистить землю” – лучшее из того, что сделано Белыми Людьми, аллюзия на нынешние опасности европейского соперничества в колониях, на срыв попыток скоординировать политику... За маской дружелюбного превосходства Белого Человека всегда стоит вопрос о применении силы...» [36, р. 13].

Однако категории исторического пространства «колониализм», с ярко выраженной отрицательной с точки зрения неевропейца экспрессией, можно противопоставить категорию «освоение», более нейтральную по характеристике. И действительно, характеризуя социально-экономические процессы в Палестине в 1881-1920 гг., целесообразно говорить именно об освоении, а не о колонизации в чистом виде, хотя ее элементы нельзя отрицать. Категория «освоение» приемлема как с экономической точки зрения (в силу того, что еврейские переселенцы смогли превратить османское захолустье в оживленный экономический регион современного мира), так и с социально-политической, ибо первые поселения и хозяйственная деятельность стали прологом к (вос)созданию Государства Израиль.

Однако элемент колонизации, несомненно, присутствовал. Его можно проследить и в связи сионистского движения с историей Европы, и в том, что Палестину издавна колонизировали европейцы, для которых она была важным духовным ориентиром иудео-христианской цивилизации, поэтому «сионистское освоение Палестины можно рассматривать как естественный процесс расширения европоцентристского мира» [4, с. 177-178]. Так социально-экономическое освоение Палестины заложило основы для реального создания «национального очага» (еще одна категория политического пространства новейшей истории Ближнего Востока), проект которого реализовывался в годы Британского мандата.

Новое время изначально структурировало историческое политическое пространство моделями и постулатами Вестфальской, а затем и Венской системы международных отношений. К ним, несомненно, относятся, прежде всего, суверенитет, территориальная целостность, нерушимость границ, баланс сил. Эти идеологемы в новейший период, особенно в рамках таких явлений, как деколонизация и притягательность суверенитета, дополнились противоречивыми постулатами «трех корзин» совещания ОБСЕ 1975 г.

Историческое пространство тесно связано с национальными и имперскими мифами об исторической прародине, о «великой стране», об «исконных территориях», о «законных территориальных претензиях», «наших землях». У всех народов есть такие мифы как в отношении себя, так и в отношении других. Ученые называют такие представления ментальной географией. Под ней понимаются не географические реалии, а исторически, политически и культурно обусловленные представления людей о том, как должно выглядеть их историческое пространство [29, с. 72].

При этом смыслы, которые вкладываются в определение исторического пространства, часто носят оценочный оттенок: Березина для француза – это не только река и наименование гидронима, отображенного на карте Российской империи, но и символ поражения, крупного фиаско, краха, оно «давно стало нарицательным, олицетворяя не только катастрофу, безысходность, но также героизм и самоотверженность» [26, с. 289]. Так историческое пространство становится достоянием социокультурного ментального поля этноса.

В XX веке таким географическим объектом стал Суэц... Суэц – символ авантюры и агрессии, последние потуги колониализма, который сдавал позиции неоколониализму с его более привлекательным лицом и мягкой силой, располагающей в своем арсенале куда более изощренными и усовершенствованными методами. Мэтр ближневосточной тематики, многоуважаемый оппонент на защите кандидатской диссертации Р. А. Близнякова («Проблема Палестины в ООН 1947-1967 гг.» [2]) Леонид Иванович Медведко заметил: «Немного на карте мира названий, которые были бы столь широко известны. Суэц – не только понятие географическое...» [21, с. 3].

В тезаурусе по историческому пространству очень много терминов: «варвары» и «цивилизованный мир», «Запад» и «Восток», «Третий мир», «христианский мир», «земли неверных», «передовой мир» и «отсталый мир». Ознакомившись с материалами М. К. Сигалова [28], авторам удалось вычлениить некоторые важные особенности арабо-мусульманской правовой культуры, резко контрастирующие с европейскими. Историческое пространство современного мира не столь уж одномерно, как кажется нам, европейцам. Оговоримся, европейцами мы стали называть себя благодаря XVIII веку, до этого мы были «христианским миром». Вот как видится историко-географическое районирование земель глазами правоверных... На Ближнем Востоке содержание многих современных конфликтов характеризуется иной правовой структурой. В странах Ближнего Востока право рассматривается с точки зрения классического фикха (исламское право). Исторические основы возникают в исламском праве между Дар Аль харб (территория войны или земля войны), Дар Аль куфр (территория неверия или безбожная земля) и противоположными им понятиями Дар Аль ахд (территория договора или земля договора), Дар Ас сульх (территория перемирия или земля перемирия), Дар Ас сильм (территория мира или земля мира), Дар Аль ислам (территория ислама или земля ислама) [24]. Возможно, иной (неевропейский) взгляд на параметры исторического пространства с точки зрения мусульманского права мог бы помочь в разрешении узла противоречий на современном Ближнем Востоке.

Начиная с XX века мир становится все более тесным. Декартовы характеристики географического пространства легче и быстрее преодолеваются изобретениями человечества конца XIX – начала XX века (в 1886 г. появились первые автомобили благодаря Готтлибу Даймлеру и Карлу Бенцу, американцы братья Райт подняли в воздух первый самолет). Достижения техники в XX веке стали влиять на восприятие географического пространства человеком, на его преодоление, на ход истории. Так, густая транспортная инфраструктура севера Франции, например, позволила французам избежать катастрофы в годы Первой мировой войны, а изобретения человеком средств передвижения с двигателем внутреннего сгорания заложили тренд «уменьшения» исторического пространства в сравнении с географическим.

Историческое пространство современного мира претерпевает значительные изменения. Мир стал еще более «миниатюрным», чем сто лет тому назад, благодаря ускорению функционирования социальной информации. Хранение, передача, скорость распространения социальной информации меняют параметры исторического пространства, как бы преодолевая уже упомянутые декартовы характеристики географического пространства. Историческое пространство в сравнении с географическим благодаря фактору информации становится еще более сжатым, чем в XX веке, стянутым воедино. Интернет как ресурс существенно повлиял на характер исторического пространства, сделав более доступными для цивилизации самые отдаленные географические объекты.

Историческая наука в поиске выхода из методологического тупика неизбежно все больше внимания будет уделять пространственной характеристике исторического процесса, однако, изучая вопрос исторического пространства, необходимо избегать крена в сторону позитивистского перегиба. В. А. Муравьев был прав: «...изучение пространства ради пространства немногого стоит. Историческая география потому и является исторической, что она есть география деятельности человека» [Цит. по: 14, с. 45].

Таким образом, перефразируя М. Блока, можем заключить, что история – это наука о людях во времени и в пространстве. Историческое пространство, в свою очередь, – это пространство, наполненное человеком, его социокультурными смыслами. И в этом ключе вполне целесообразно рассмотреть историческое пространство в связи с ноосферными концептами В. И. Вернадского, возможно, этот подход откроет новые грани данного феномена, обогатив современную историческую науку и пространственную теорию изучения исторических событий.

Данная статья написана по итогам программы академической мобильности Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского с использованием инфраструктуры принимающей организации – Российского государственного аграрного университета – МСХА имени К. А. Тимирязева (РГАУ-МСХА, г. Москва) на базе Центра «Гео- и гидроинформатика» (ЦГГИ).

Список источников

1. **Аверьянов К. А., Ромашов С. А.** Смутное время: Российское государство в начале XVII века: исторический атлас. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 160 с.
2. **Близняков Р. А.** Проблема Палестины в ООН 1947-1967 гг.: автореф. дисс. ... к.и.н. М.: ИВ РАН, 2005. 28 с.
3. **Близняков Р. А.** Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 181/II (Будущее правительство Палестины): основа урегулирования и заведомая конфликтность // Культура в системе гуманитарного знания: материалы I Всеукраинской научно-практической конференции. Симферополь, 2010. С. 13-18.
4. **Близняков Р. А., Мальшев Д. А., Шевелев С. С.** Сионистское освоение Палестины накануне Британского мандата: социально-экономический аспект (1881-1920 гг.) // Judaica Ukrainica. Киев: Киево-Могилянская академия, 2012. Т. 1. С. 145-181.
5. **Блок М.** Апология истории, или Ремесло историка. М.: Наука, 1986. 254 с.
6. **Боровкова О. В.** Пространства исторической науки и их взаимодействия // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 394. С. 79-83.
7. **Британская газета Daily Mail «признала» Крым российским** [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/world/20170612/1496340922.html> (дата обращения: 25.06.2017).
8. **Виппер Р. Ю.** Избранные сочинения: в 2-х т. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. Т. I. Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи (начало). 478 с.

9. **Всемирная история:** в 6-ти т. / гл. ред. А. О. Чубарьян; Ин-т всеобщей истории РАН. М.: Наука, 2013. Т. 3. Мир в раннее Новое время / отв. ред. В. А. Ведюшкин, М. А. Юсим. 854 с.
10. **Географический энциклопедический словарь. Понятия и термины** / под ред. А. Ф. Трешникова. М., 1988. 432 с.
11. **Дройзен И. Г.** История эллинизма. История эллинистов / пер. с нем. М. – Киров: Академический проект; Константа, 2011. 619 с.
12. **Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве:** материалы XXIII Международной научной конференции (г. Москва, 27-29 января 2011 г.). М., 2011. 498 с.
13. **Историческая картография** [Электронный ресурс]. URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/sie/7012/ИСТОРИЧЕСКАЯ> (дата обращения: 05.06.2017).
14. **Казаков Р. Б., Маловичко С. И., Румянцева М. Ф.** Историческая география в пространстве современного гуманитарного знания: от вспомогательной дисциплины к методу гуманитарного познания // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII Международной научной конференции (г. Москва, 27-29 января 2011 г.). М., 2011. С. 31-45.
15. **Классика геополитики, XIX век:** сборник / сост. К. Королев. М.: АСТ, 2003. 718 с.
16. **Коновалова И. Г.** Историческая география в исследовательском поле исторической науки // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII Международной научной конференции (г. Москва, 27-29 января 2011 г.). М., 2011. С. 22-31.
17. **Лаппо-Данилевский А. С.** Методология истории. М. – Екатеринбург: Академический проект; Деловая книга, 2013. 602 с.
18. **Лебединский Д. (священник).** Священная Библейско-историческая география. Моршанск: Типография П Геллер на Почтовой улице, 1883. 225 с.
19. **Лоуренс П.** Атлас Библейской истории. М.: Российское Библейское общество, 2012. 188 с.
20. **Любавский М. К.** Историческая география России в связи с колонизацией. СПб.: Лань, 2000. 304 с.
21. **Медведко Л. И.** К востоку и западу от Суэца: закат колониализма и маневры неоколониализма на Арабском Востоке. М.: Политиздат, 1980. 368 с.
22. **Медушевская О. И.** Историческая география как вспомогательная историческая дисциплина / Московский государственный историко-архивный институт. М., 1959. 21 с. Рукопись деп. в РГБ, № 219 от 10/XI-59.
23. **Мельникова Е. А.** Пространство в культуре средневековой Европы: структура и особенности восприятия // Историческая география: пространство человека vs человек в пространстве: материалы XXIII Международной научной конференции (г. Москва, 27-29 января 2011 г.). М., 2011. С. 70-72.
24. **О'Делл М. А.** Внешняя политика Великобритании на Ближнем Востоке (XVIII-XXI вв.) [Электронный ресурс]: дисс. ... к.и.н. URL: http://www2.rsuh.ru/binary/object_46.1464869214.92676.pdf (дата обращения: 05.06.2017).
25. **Попов М. В.** Социальная философия. Первая лекция [Электронный ресурс]. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=skgXoLXDB8Q> (дата обращения: 04.06.2017).
26. **Постникова А. А.** «Французская» Березина и Европа (последнее сражение 1812 года в памяти европейцев) // Французский ежегодник. 2013: «Русская кампания» Наполеона: события, образы, память. М.: ИВИ РАН, 2013. С. 289-299.
27. **Середонин С. М.** Историческая география: лекции, читанные проф. С. М. Середониным в Императорском петроградском археологическом институте / Императорский петроградский археологический ин-т; посмертное изд. Пг.: Тип. Главного упр. уделов, 1916. 240 с.
28. **Сигалов М. К.** Исторические особенности становления пространства арабо-мусульманской правовой культуры // Пространство и время. 2015. № 1-2 (19-20). С. 156-162.
29. **Теория и методология истории:** учебник и практикум для академического бакалавриата / под ред. А. Н. Фильошкина. М.: Юрайт, 2016. 323 с.
30. **Теория и методология исторической науки:** терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. 576 с.
31. **Фриман Э.** Историческая география Европы: в 2-х т. / пер. М. В. Лучицкой; под ред. проф. И. В. Лучицкого. М.: Издание К. Т. Солдатенкова, 1892. Т. 1. 434+XXXI с.
32. **Шарыгин М. Д., Чупина Л. Б.** Подходы к изучению географического пространства-времени и проблемы, связанные с ним // Географический вестник. Теория и методология географической науки. 2013. № 2 (25). С. 4-8.
33. **Шведов В. Г.** Историческая политическая география: обзор становления, теоретические основы, практика. Владивосток: Дальнаука, 2006. 259 с.
34. **Эпштейн А.** Возрождение еврейской государственности и нерешенный «еврейский вопрос» / Научно-исследовательский центр ориенталистики им. О. Прицака НаУКМА; Научно-исследовательский центр визуальной культуры НаУКМА. Киев, 2011. 127 с.
35. **Яценко Н. Е.** Толковый словарь общенаучных терминов [Электронный ресурс]. URL: http://www.slovarnik.ru/html_tsot/i/istori4eskoe-prostranstvo.html (дата обращения: 04.06.2017).
36. **Said E. W.** Orientalism: Western Conceptions of the Orient. N. Y.: Penguin Books India, 2006. 416 p.

HISTORIC SPACE – A PHENOMENON OF HISTORY AND CONSTANT OF HISTORICAL DEVELOPMENT

Bliznyakov Roman Aleksandrovich, Ph. D. in History
Malyshev Dmitrii Arkad'evich, Ph. D. in History, Associate Professor
Taurida Academy of V. I. Vernadsky Crimean Federal University in Simferopol
Bliznyakov80@mail.ru; darkmalyshev@mail.ru

The article examines the key category of the historical science theory – “historic space”. The paper analyzes approaches to studying adopted in the XIX-XXI centuries, considers the philosophical basis of historical studies, and identifies modern scientific problems in the sphere of historical geography. The study addresses specialists in the field of history and geography, whose scientific interests cover the related research areas.

Key words and phrases: historic space; historical geography; historical science theory; geographical space; historical time; cartography; Palestine as historic and political area.